

размышления. Таковы его работы по праву меньшинствъ, его большая книга о судьбахъ Арменіи и, наконецъ, изслѣдованіе, посвященное международному посредничеству, заглавіе котораго я выписалъ выше и которое представляетъ собой переработку читаннаго имъ въ Гагской Академіи Международнаго Права курса.

Уставъ Лиги Націй, какъ извѣстно, установилъ, въ качествѣ одного изъ путей охраны международнаго мира, обращеніе къ посредничеству Лиги Націй. Но, какъ все въ Уставѣ, соотвѣтствующія правила оказались редактированными недостаточно ясно, можно сказать — совершенно расплывчаты. А между тѣмъ за первое, почти полное, десятилѣтіе существованія Лиги пришлось множество разъ и зачастую по международнымъ дѣламъ крупнѣйшей важности искать точекъ опоры для разрѣшенія возникавшихъ затрудненій и по существу, и по процедурѣ именно въ этихъ сознательно или бессознательно невразумительныхъ формулахъ. Естественно накопился интереснѣйшій и важный матеріалъ, имѣющій огромную цѣну для построения всей системы современнаго международнаго права.

А. Н. Мандельштамъ не только собралъ этотъ матеріалъ, но его систематически сконструировалъ. Передъ нами догма новаго и интереснаго института международнаго права. Положеніе А. Н. Мандельштама, какъ русскаго юриста, являющагося, какъ всѣ русскіе юристы въ эмиграціи, какъ бы принудительно объективнымъ вслѣдствіе отсутствія политическихъ соблазновъ, могущественно вліяющихъ на юристовъ Запада, обезпечиваетъ строяемой имъ догмѣ подлинную научную цѣнность и настоящую научную независимость.

Дѣятельность Лиги Націй даетъ, какъ извѣстно, именно въ вопросахъ посредничества для улаженія международныхъ конфликтовъ множество поводовъ къ самымъ основательнымъ упрекамъ. Достаточно вспомнить истинно вздорныя шатанія по румыно-венгерскому спору объ оплантахъ, чтобы судить о несовершенствахъ Женевскаго посредническаго аппарата. А Н. Мандельштамъ не боится судить и осуждать, дѣлая это въ формахъ особенно вѣскихъ своей умѣренностью. И вслѣдствіе этой свободной критики онъ избѣгаетъ опасности преувеличивать достоинства посредническаго аппарата Лиги, опасности, которой не избѣгли такіе выдающіеся современные юристы, какъ на примѣръ Шарль де Рискеръ въ своихъ недавнихъ статьяхъ въ бельгійскомъ журналѣ, въ которыхъ прославленіе роли Совѣта Лиги Націй приводитъ къ нѣскольکو высокоумной и совершенно неосновательной трактовкѣ Гагскаго суда и функций настоящей международной юстиціи.

Проф. Бар. Б. Э. Нольде.

Henri de Man. Au delà du Marxisme Bruxelles: 1927. Maison Nationale d'Édition «L'Églantine», p. 431.

Содержаніе этой книги не поддается краткому изложенію. Философскіе экскурсы, социологическія обобщенія, психологическія изслѣдованія, тактическія разсужденія, личные наблюденія даны въ пестромъ, но нерасторжимомъ единствѣ. Въ журнальной рецензіи возможно коснуться лишь немногихъ, наиболѣе характерныхъ положеній автора.

Де Манъ — видный участникъ международнаго социалистическаго

движения, долгое время руководивший просветительной деятельностью бельгийской рабочей партии. Сын состоятельных родителей, он, став энтузиастом социалистической идеи, еще в юности бросил многообещающую научную карьеру, «ушел в народ» и жил ряд лет простым рабочим. Непременный участник международных съездов, социалистических и профессиональных, он неуклонно проводил в своей общественной работе начала чистого, ортодоксального марксизма и если название книги его переводится знаменательной формулой: «Преодоления Марксизма», если доклады свои, читаемые им в ряде стран, он заканчивает кличем: «Марксизм умер, да здравствует Социализм!», то этот личный духовный сдвиг Де Мана является симптомом глубоких изменений, внесенных испытаниями последних лет в умонастроение западно-европейских социалистических кругов.

Сам автор основывает свои новые воззрения на тех свойствах европейца 20-го века, которые решительно отличаются от манеры чувствовать и мыслить людей прошлого века.

Марксизм, — говорит Де Мань, — порождение 19-го века, склонного к механистическому миропониманию, запечатленного рационализмом и детерминизмом, вносившего начала механической причинности в истолкование психических явлений третированного религиозный опыт, как суеверие. Два основных философских течения 19-го века, рационалистический марксизм и рационалистический идеализм, сочетаются в марксизм, объясняющем прошлое из принципа материальной причинности и понимающем будущее, как «реализацию идеи, опознавшей разумом». На первом плане — отвлеченные категории.

Не таков дух 20-го века, «века психологии», обретающего мировоззрение не из опосредствованного опыта концепций, а из непосредственного опыта реального мира чувства и воли.

Прагматизм и волюнтаризм, последователи Бернсона и В. Джемса, широко пользующийся терминологией Фрейда. Де Мань кладет в основу понимания социальных явлений — психоаналитическое истолкование их, а в основу общественной борьбы — этическое обоснование целей ее.

Форма познания общественных явлений — обуславливается направлением воли. Познание причин их, якобы объективное, является лишь иллюзией субъективной оценки побуждений (*les mobiles*). Так, марксизм избирает экономическую категорию причиной общественного развития потому, что считает своей задачей — осуществление социалистического идеала путем воздействия на экономические побуждения. Наиболее важным и характерным в общественном движении Де Мань почитает побуждения, на которых это движение опирается и, следовательно, средства, к которым оно прибегает «Людей следует ценить не по их мнениям, а по тому, что эти мнения из них делают».

Марксизм, облюбовав побуждения экономические и постоянно упражняя их, ослабил у рабочего класса побуждения нравственные и

правовыя. Неумѣніе марксизма разбираться въ личныхъ и массовыхъ побужденіяхъ дѣлаетъ его неспособнымъ къ руководству. Такъ, напр., онь тщетно ведетъ борьбу съ узкимъ практицизмомъ профессиональнаго движенія, усиленнымъ его же призывами къ стѣжательному инстинкту, по существу своему — мелко-буржуазному.

Наивно-раціоналистически полагая, что рабочихъ приводитъ къ борьбѣ за социализмъ сознание классовыхъ интересовъ, марксизмъ не подозреваетъ, что если бы «надстройка» рабочей идеологии соответствовала капиталистическому «фундаменту», то не было бы не только социалистическаго движенія, но даже классовой борьбы.

Какъ разъ свойства, принесенныя изъ міра до-капиталистическаго лежатъ въ основѣ современнаго рабочаго движенія, имѣя источникомъ своимъ христіанство (равенство личныхъ душъ), феодализмъ (нѣтъ общественныхъ правъ безъ обязанностей) и демократію (равенство правъ). Отсюда возникаютъ, преимущественно въ сочетаніи съ инстинктомъ самоутвержденія, переживанія свободы, правового и общаго равенства, солидарности, идеальнаго будущаго строя, какъ компенсаторныя концепціи къ чувству эксплоатаціи, подавленности, неравенства.

Рабочій побуждается къ борьбѣ за свои права не сознаниемъ своихъ интересовъ, а сложнымъ душевнымъ состояніемъ, пазываемымъ современной психологіей «комплексомъ недостаточности» (*complexe d'infériorité*). Возникновеніе послѣдняго зависитъ отъ условій возникновенія и развитія капитализма. Такъ, въ Соединенныхъ Штатахъ, по ряду причинъ, этотъ комплексъ отсутствуетъ въ психикѣ рабочаго, и потому тамъ нѣтъ борьбы интересовъ, но нѣтъ мѣста социалистическому движенію. Вообще, слѣдствіемъ приспособленія психики рабочихъ къ капиталистическому укладу является ихъ «обуржуазиваніе». Классовая борьба не мѣшаетъ, а быть можетъ, способствуетъ принятію буржуа за образецъ и идеалъ. Пролетаріатъ, въ отношеніи культурно-бытовомъ, все болѣе походитъ на мелкую буржуазію. И если европейскіе рабочіе и имѣютъ эмоціанное предрасположеніе къ социалистическому ученію, то происхожденіе послѣдняго — совершенно иное: не отъ культурной нищеты рабочихъ, а отъ культурнаго богатства интеллигентовъ, отказавшихся приспособиться къ окружающей ихъ культурной средѣ. Отказъ этотъ — ярко окрашенъ этическими эмоціями. Въ результатѣ, въ социалистическомъ движеніи существуютъ два начала: этической убѣжденности и экономическаго интереса.

Марксизмъ, выводя борьбу за социализмъ — изъ пролетарскихъ классовыхъ интересовъ, смѣшиваетъ условія, благоприятствующія этой борьбѣ, — съ причинами ея. «Карты мѣстности — не есть планъ сраженія». Естественно-научная причинность пригодна для познанія среды, но ея недостаточно для объясненія активныхъ воздѣйствій на эту среду. Здѣсь необходимо входить въ побужденія человѣческихъ дѣйствій. Для пониманія идеи-силы, идеи-цѣли нужна іерархія этическихъ цѣнностей, имѣющихъ обще-человѣческую значимость и порождаемыхъ нашею совѣстью, а не анализомъ сущаго и его тенденцій. Не-

повираваніе марксизмомъ происхожденія социалистической идеологии, а также ложное истолкованіе государства, какъ органа классового господства, дѣлаетъ марксистовъ неспособными понять роль интеллигенціи, общественной группы, отличной и отъ хозяевъ, и отъ рабочихъ, въ социалистическомъ движеніи.

Побужденія къ умственному труду коренятся въ радости творчества, индивидуивъ, отвѣтственности. При этомъ, творческая воля служащая интеллигенціи сталкивается со стѣкательной волей капиталиста. У интеллигенціи появляется предрасположеніе къ социализму, развѣя побужденіямъ высшаго порядка, побужденіямъ творческаго служенія, противорѣчатъ основныя начала капиталистическаго строя. Интеллигенція — создательница культуры, движущая сила государства и хозяйства, лишь въ служеніи обществу сможетъ вполне развернуть свои творческія способности. По приобщеніе ея къ социалистическому движенію и союзъ, на равныхъ началахъ, съ пролетаріатомъ, затрудняется марксистскимъ теченіемъ социализма.

Между тѣмъ неоцѣнима роль ея въ борьбѣ съ омѣщаніемъ рабочаго класса, въ раскрытіи религіознаго, моральнаго и культурнаго содержанія социалистической идеи. И если экономическая категория была стержнемъ марксистской доктрины, то въ центрѣ доктрины новой долженъ стать человекъ, какъ индивидуальность, движимая моральнымъ и правовымъ чувствомъ. Этическое побужденіе должно усилиться въ социалистическомъ движеніи, цѣль котораго — правовое и культурное преображеніе общества.

Борьба за рабочіе интересы, справедливая и необходимая, должна проникнуться чувствомъ права, вести къ установленію индустриальной демократіи. Созданіе новыхъ учреждений, въ которыхъ воплотится духъ автономнаго и отвѣтственнаго самоопредѣленія, — вотъ путь рабочаго движенія, противоположный марксистскому культу механическаго накопленія силы, въ механической же борьбѣ за прибавочную стоимость.

Цѣнность социалистическаго движенія — не въ отдаленной цѣли его. Будущаго не можетъ предсказать никто, но идеаль, входя въ наши побужденія, вдохновляетъ наши дѣйствія. И допустимо лишь такое содержаніе движенія, лишь такія средства борьбы, которыя дѣлаютъ людей лучше и счастливѣе. Счастье же и прогрессъ — не въ простомъ увеличеніи благосостоянія, а въ качественномъ, цѣлностномъ, повышеніи потребностей, въ перенесеніи вѣчной борьбы на все новыя духовныя высоты.

Таковы самыя общія очертанія главныхъ положеній Де Мана. Бросятся въ глаза большое сходство ихъ съ рядомъ положеній русской народнической мысли: цѣнность личности, этическое обоснованіе социализма, внесеніе принциповъ оцѣнки и цѣли въ социологію, волюнтаризмъ, роль интеллигенціи и пр.

Вселяты Де Мана — явленіе не единичное: программно-тактическій сдвигъ кап.-европейскаго социализма — несомнѣненъ и усвоеніе имъ ряда принциповъ, близкихъ къ основамъ русскаго народничества — ~~чужды ли подлежатъ оспариванію.~~

С. Жаба.